

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ АНЕКДОТЕ

Е. Я. Шмелева (shme.lev@ru.net)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Москва

А. Д. Шмелев (shme.lev@ru.net)

Московский педагогический государственный университет, Москва

Рассматриваются различные виды интертекстуальных отсылок, используемых в современных русских анекдотах: цитаты (в том числе видоизмененные), «точечные отсылки», отсылки к сюжетному ходу или мотиву, отсылки к невербальным семиотическим объектам. Описаны источники интертекстуальных отсылок, наиболее характерных для современных анекдотов.

Ситуативные отсылки к претексту

В настоящей заметке рассматриваются различные виды интертекстуальных отсылок, используемых в современных русских анекдотах, т. е. случаи, когда анекдот отсылает к некоторому иному тексту (претексту); анекдот в этом случае является текстом-реципиентом. Следует иметь в виду, что анекдот может отсылать не только к тексту в собственном смысле слова, но и к иным типам семиотических объектов (напр., к визуальному ряду телевизионного фильма¹). При этом отсылка к невербальному объекту чаще всего бывает вербальной (напр., в анекдоте о Ленине может упоминаться его *кепка*, отсылающая к изображению Ленина на многочисленных картинах, фотографиях, в фильмах и т. д.). Однако возможна и невербальная отсылка – напр., в анекдоте об Илье Муромце рассказчик может приставлять ладонь ко лбу, имитируя устремленный вдаль взгляд, изображенный на известной картине В. М. Васнецова «Богатыри».

Минимальным интертекстуальным фрагментом, который может включаться в текст анекдота, является одно слово (в этом случае мы имеем дело с «точечной отсылкой»²). Чаще всего в роли таких «точечных отсылок» выступают имена собственные персонажей претекста, когда они становятся персонажами анекдота. Так, анекдоты, в которых фигурируют *Адам* и *Ева*, очевидным образом отсылают к книге Бытия (рассказу о сотворении мира), а анекдоты о *Герасиме* и *Муму* – к повести Тургенева «Муму». В роли «точечных отсылок» могут выступать и обозначения персонажей посредством сочетаний слов (включающих или не включающих имя собственное): скажем, анекдоты о *золотой рыбке* отсылают к пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке».

Не всегда непосредственная отсылка делается к первоисточнику интертекстуального фрагмента. Очевидно, что анекдоты, в которых главными персонажами являются *поручик Ржевский* и *Наташа Ростова*, отсылают в первую очередь к фильмам Э. Рязанова «Гусарская баллада» и С. Бондарчука «Война и мир»³, а не к пьесе Гладкова «Давным-давно» и роману Льва Толстого «Война и мир». Точно так же анекдоты о *Штирлице* и *Мюллере*, о *Шерлоке Холмсе* и *докторе Ватсоне*, о *крокодиле Гене* и *Чебурашке*, о *Винни Пухе* и *Пятачке* отсылают не к литературным первоисточникам, а к поставленным на их основе телевизионным фильмам (мультфильмам): об этом, в частности, свидетельствуют «речевые маски» персонажей, копирующие некоторые особенности речи персонажей соответствующих телевизионных фильмов⁴.

Использование «точечной отсылки» обычно сопровождается и иными отсылками к претексту. В качестве такой отсылки могут выступать те или иные элементы речевой маски или детали внешнего облика персонажа. Так, повторяющаяся во множестве анекдотов фраза Холмса «Элементарно, Ватсон!» отсылает к той же фразе,

¹ Так, в работе А. С. Архиповой [Архипова 2003] рассмотрены многочисленные примеры отсылок к видеоряду телевизионного многосерийного фильма «Семнадцать мгновений весны», содержащихся в анекдотах о Штирлице.

² Вообще говоря, теоретически мыслимы и интертекстуальные фрагменты, меньшие, нежели одно слово, напр. состоящие из одной несамостоятельной морфемы. Так, речевая маска Ленина в анекдотах включает в себя использование префиксального компонента *архи-*, отсылающего к использованию слов, содержащих этот компонент, в произведениях самого Ленина, равно как и в бесчисленных произведениях о Ленине. В большинстве случаев такого рода невозможно установить, к какому именно претексту производится отсылка, и тем самым наличие интертекстуальности остается недоказуемым. В данной заметке мы не будем рассматривать интертекстуальные фрагменты, меньшие чем слово.

³ Эти фильмы появились почти в одно время – в первой половине 1960-х гг.; они ассоциируются друг с другом в массовом сознании, тем более что оба изображают примерно один и тот же исторический период.

⁴ См. об этом [Шмелева, Шмелев 2000: 41]. По-видимому, это же верно в отношении анекдотов о *Василии Ивановиче Чапаеве* и *Петьке*, отсылающих скорее к фильму братьев Васильевых, чем к роману Фурманова.

неоднократно произносимой Холмсом в соответствующем телевизионном фильме; используемое Лениным в анекдотах обращение *батенька* отсылает к многочисленным рассказам и фильмам о Ленине. Аналогичным образом, когда Ленин в анекдоте говорит нечто, *прищурив добрые-предобрые глазки*, эта деталь внешнего облика также отсылает к рассказам и фильмам о Ленине; при этом сам оборот в этих рассказах и фильмах, скорее всего, не встречается, но в них отдельно может говориться о *ленинском прищуре*, о том, что у Ленина *добрые глаза* и т. д.

Иногда именно наличие у персонажа анекдота, обозначаемого посредством «точечной отсылки», тех или иных свойств, восходящих к источнику (напр., больших ушей у *Чебурашки*, того, что *Буратино* изготовлен из дерева, а дворник *Герасим* – глухонемой), оказывается в фокусе внимания:

Сидят Карлсон и Чебурашка на крыше. «Ну что, полетели?» – говорит Карлсон. «Сейчас, подожди, только уши отдохнут». (1)

Заходят Лиса Алиса и Кот Базилио в каморку к Буратино и говорят: «Не бойся, мы ненадолго! Нам только один вопрос выяснить: сколько тебе лет?» Буратино смотрит на них и спрашивает: «А зачем пилу принесли?» (2)

Герасим сел в лодку, посадил Муму, выплыл в реку, перекрестился и бросил ее в воду. Собака долго тонула, проплывающий мимо мужик втащил ее в лодку. Муму: «Фу, блин, чуть не утонула». Мужик: «Во! Первый раз вижу говорящую собаку!» Муму: «Во! Первый раз вижу говорящего мужика!» (3)

Часто при использовании «точечной отсылки» имеется в виду тот или иной мотив или сюжетный ход претекста. Так, анекдоты об *Адаме* и *Еве* чаще всего отсылают к библейскому рассказу о том, как были сотворены первые люди (причем Ева была сотворена из ребра Адама); анекдоты о *Красной Шапочке* – к сюжету, в соответствии с которым Красная Шапочка идет через лес относить заболевшей бабушке гостинцы и встречает волка; анекдоты о *Герасиме* и *Муму* – к истории о том, как глухонемой дворник был вынужден утопить собаку, привязав ей камень на шею; анекдоты о *Буратино* и *папе Карло* – к завязке сюжета, состоящей в том, что столяр изготовил из полена деревянного человечка (соответственно понимание таких анекдотов предполагает знание соответствующих мотивов или элементов сюжета).

Разумеется, интертекстуальную отсылку следует усматривать лишь в тех случаях, когда анекдот теряет смысл или становится непонятен для слушателя, не опознающего отсылки. Само по себе повторение мотивов или сюжета еще не является свидетельством интертекстуальности. Так, не содержат интертекстуальной отсылки к тексту Библии анекдоты, в основе которых лежит представление об Иисусе как о Сыне Божиим, хотя это представление и восходит в конечном счете к Новому Завету. Также существуют многочисленные анекдоты, в которых какие-то персонажи после смерти попадают в рай или ад, – но, хотя и рай, и ад неоднократно упоминаются в тексте Библии, само по себе это не свидетельствует о наличии интертекстуальной отсылки.

Иногда, впрочем, наличие отсылки к какому-то сюжетному ходу является очевидным, но, поскольку данный сюжетный ход повторялся более чем в одном тексте, точное установление претекста и тем самым однозначное определение интертекстуальной связи оказывается невозможным. Так, всем советским школьникам был известен рассказ о том, как маленький Володя Ульянов, разбив в гостях графин, сперва побоялся признаться в этом, но, будучи правдивым мальчиком, через некоторое время все рассказал маме. Об этом, в частности, повествует в книге «Детские и школьные годы Ильича» сестра Ленина А. И. Ульянова (Елизарова), а также с добавлением многочисленных художественных подробностей М. Зощенко в рассказе «Графин». Очевидно, что именно этот эпизод обыгрывается в следующем анекдоте:

Однажды маленький Ильич разбил в гостях вазу. И не только не побоялся в этом признаться, но и хозяйку обматерил и дочке ее синяк поставил. (4)

Однако едва ли имеет смысл пытаться установить, отсылает ли этот анекдот к воспоминаниям А. И. Ульяновой, к рассказу Зощенко или к какому-либо еще источнику.

Анекдоты, содержащие отсылку к каким-то мотивам или сюжету претекста, как правило, не содержат непосредственных цитат из претекста в виде интертекстуальных фрагментов, хотя в некоторых анекдотах такие фрагменты могут использоваться – напр., *Красная Шапочка* может спрашивать *бабушку* или *волка*: «Почему у тебя такие большие глаза? Почему у тебя такой большой хвост?».

«Бабушка, а почему у тебя такие большие уши?» – «Чтобы лучше слышать, внученька». – «Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?» – «Чтобы лучше видеть, внученька». – «Бабушка, а почему у тебя такой большой хвост» – «И вообще это не хвост, - сказал волк и густо покраснел». (5)

Идет Красная Шапочка по лесу, видит - под кустом сидит Волк. «Дяденька Волк, а почему у вас такие большие уши?» – «Чтобы лучше тебя слышать, девочка». – «Дяденька Волк, а почему у вас такой большой нос?» – «Чтобы лучше нюхать мясо, девочка, и вообще, не задавай глупые вопросы!» –

«Дяденька Волк, а почему у вас такие большие глаза?» – «Девочка, я тебе сказал, отвяжись – что, не видишь: я какаю!» (6)

В тех случаях, когда в анекдотах повторяется один и тот же мотив, они могут рассматриваться как варианты одного анекдота (7–10):

«Бабушка-бабушка, а почему у тебя такие большие уши?» – «Чтобы лучше слышать тебя, моя деточка!» – «Бабушка-бабушка, а почему у тебя такой большой нос?» – «Потому что я еврей», – сказал волк и громко заплакал. (7)

Красная Шапочка спрашивает у бабушки: «Почему у тебя такой большой нос, и черные усики?» – «А эта патаму што, внучка, я армянка...» (8)

Красная шапочка: «Бабушка, бабушка, а почему у тэбя такие большие глаза?» Бабушка: «А это чтобы лючие тэбя видеть, внученька!» Красная шапочка: «Бабушка, бабушка, а почему у тэбя такие большие уши?» Бабушка: «А это, чтобы лючие тэбя слышать, внученька!» Красная шапочка: «Бабушка, бабушка, а почему у тебя такой большой нос?» Бабушка: «Слюшай, на сэбя пасматры, да?!» (9)

«Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?» – «Чтоб тебя лучше видеть...» – «А почему у тебя такие большие уши?» – «Чтоб тебя лучше слышать...» – «А почему у тебя такой большой нос?» – «Дык, слоны мы, внучка...» (10)

Ср. соединение в одном анекдоте мотивов, отсылающих к различным текстам-источникам:

«Бабушка, а почему у тебя такие большие уши?» – «Не задавай глупых вопросов, Чебурашка». (11)

Цитатные отсылки к претексту

С другой стороны, возможен иной способ использования цитат из некоторого текста-источника, сущность которого состоит не в отсылке к содержанию (мотиву или сюжету), а в воспроизведении интертекстуального фрагмента (точном или с видоизменениями) безотносительно к сюжету, обусловившему появление этого фрагмента в оригинале. В этом случае именно «цитатность» составляет «соль» анекдота и ключевую роль играет способность слушателей опознать цитату. Вот анекдот об Онегине и Татьяне в том варианте, в котором он приводится (со ссылкой на А. Кофмана) в книге [Курганов 2001: 51]:

На Всесоюзной пушкинской конференции в кулуарах обсуждался характер отношений между Татьяной и Онегиным. Вдруг в дискуссию вмешался грузинский пушкинист. Он заявил: «Конечно, там был роман. Не случайно Татьяна сказала: "Онегин, я с кровать не встану"» (12)

Комический эффект здесь создается не только изменением смысла при произнесении фразы *Онегин, я скрывать не стану* с «грузинским» акцентом, но и тем, что «пушкинист» фразу из либретто П. Чайковского и К. Шилловского (ария Гремينا) приписывает пушкинскому тексту и при этом совсем другому персонажу – Татьяне. Но дополнительный комизм заключается в том, что некоторые обладающие ученой степенью филологи совершили ту же ошибку, что и «пушкинист» из анекдота. Так, Е. Курганов комментирует этот анекдот следующим образом, очевидным образом полагая, что «пушкинист» цитировал подлинный пушкинский текст: «Выступающий приводит строчку из пушкинского романа по памяти и на слух (да и вообще, видимо, у него проблемы с русским языком)... Отщепление в устной речи фонемы С от глагола и превращение ее в предлог, управляющий существительным, плюс игра фонемами – из этой системы ошибок возникает новая интерпретация "Евгения Онегина"» [Курганов 2001: 52]⁵.

Распространенным источником цитат, на которых строятся анекдоты, является реклама (чаще всего – телевизионная реклама). Это связано с тем, что реклама обычно бывает «на слуху» у массовой аудитории и легко опознается⁶. Иногда весь анекдот сводится к модификации цитаты из рекламы (так, фраза из рекламы «Пивовар Иван Таранов любил пиво "Пит"» обыгрывается в анекдоте: *Пивовар Иван Таранов любил пиво «Пит» ...и водку жрат*). В других случаях цитата из рекламы (иногда – видоизмененная) выступает в роли ключевой фразы анекдота. Так, следующий анекдот теряет какой бы то ни было смысл для слушателей, незнакомых с рекламным лозунгом магазина «Икеа» (находящимся недалеко от аэропорта Шереметьево): *Есть идея – есть «Икеа»*:

⁵ Аналогичную ошибку совершил и Э. Драйцер, который в своей книге, посвященной полу и сексуальности в русских анекдотах, привел этот же анекдот в несколько ином варианте [Draitser 1999], но также воспринял ключевую фразу как искаженную цитату из пушкинского романа.

⁶ Целый ряд примеров, построенных на цитатах из телевизионной рекламы, приводится в нашей статье [Шмелева, Шмелев 2003].

Самолет совершает посадку в аэропорту Шереметьево. Самолет начинает падать... Командир корабля спрашивает у второго пилота: «Ну, что есть идеи?» Тот отвечает бодро: «Идей нет!» Командир корабля говорит: «Ну что ж, нет идеи - нет Икеи». (13)

Анекдоты о политических деятелях часто цитируют сделанные ими высказывания. Так, во многих анекдотах о Путине обыгрывается его выражение *мочить в сортире* и высказывание на пресс-конференции, когда он пригласил западного журналиста, задавшего «неудобный» вопрос, приехать в Россию, где ему сделают обрезание так, что «больше уже ничего не вырастет». Тогда в роли претекста выступают средства массовой информации, в которых сообщалось об этих высказываниях Путина, – более точно указать источник цитат невозможно.

Стали частью фольклора некоторые фразы Ленина – напр.: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой говорили большевики, свершилась!» Как и всегда бывает с фольклорными текстами, эта фраза имеет хождение в разных вариантах: «рабочая и крестьянская / пролетарская / социалистическая революция» (или даже «октябрьская революция»), «о которой / о необходимости которой», «так долго говорили / все время говорили». – Более того, совершенно безразлично, кто в действительности произнес с трибуны эту фразу (если она действительно была произнесена): сам Ленин или Луначарский, который зачитывал обращение Ленина. Эта фраза обыгрывается в целом ряде анекдотов, напр.:

На трибуне появляется Ленин: «Товарищи, октябрьская революция, о которой так долго говорили большевики, свершилась! А теперь дискотека!» (14)

Источником цитат для многих анекдотов о Ленине служит известный очерк Максима Горького «В. И. Ленин». При этом существенно, что контекст появления этих цитат коренным образом меняется. Так, из этого очерка Максима Горького мы можем узнать, что Ленин сказал о книге Максима Горького «Мать»: «Очень своевременная книга». Приведем соответствующий отрывок из очерка «В. И. Ленин»: *Я сказал, что торопился написать книгу, но – не успел объяснить, почему торопился, – Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга – нужная, много рабочих участвовало в революционном движении неосознанно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя. / «Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня комплимент. А вот как эта фраза используется в анекдоте:*

Сел Ленин у шалаша, справить большую нужду. А бумажки-то нет! Вдруг видит, лежит роман «Мать», Горький принес. «Да, - думает Ленин, - очень своевременная книга!» (15)

В этом анекдоте используются еще один мотив «ленинианы» – а именно, *шалаш* (в котором Ленин скрывался от ареста); однако этот мотив факультативен и легко может быть опущен.

В советское время часто цитировалось высказывание Ленина о Льве Толстом, также приведенное в очерке Максима Горького «В. И. Ленин»: *Какая глыба, а? Какой матерый человечиче! Вот это, батенька, художник... И – знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.*

Естественно, и эта фраза вошла в качестве интертекстуального фрагмента в анекдот (кстати, завязка в нем похожа на завязку предыдущего анекдота):

Пошел Ленин в лес по большой нужде. Видит огромную кучу говна. «Кто же это столько наделал?» – спрашивает. «Лев Толстой», – говорят. «Какая глыба, – говорит Ленин, – какой матерый человечиче!» (16)

Те или иные цитаты из Ленина использовались не только в анекдотах о Ленине. Они входили в общий фонд знаний большинства взрослых носителей русского языка и могли обыгрываться в самых разных анекдотах, даже не имеющих к Ленину прямого отношения. Приведем в качестве примера следующий анекдот:

Армянское радио спрашивают: «Что будет, если импотента положить на фригидную женщину?» – «Революционная ситуация: верхи не могут, низы не хотят». (17)

Всякому человеку, изучавшему марксизм (а напомним, что его изучение в Советском Союзе было обязательным), ясно, что здесь производится отсылка к ленинскому определению «революционной ситуации»: *недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому.*

Как кажется, приведенных примеров достаточно, чтобы продемонстрировать различие между ситуативными и цитатными отсылками: при ситуативных отсылках решающую роль играет содержательное сходство каких-то элементов претекста и анекдота-реципиента, а на вербальном уровне повтор может быть сведен к минимуму; при цитатных отсылках существен повтор той или иной фразы, которая может быть помещена в полностью отличный контекст. Иными словами, при ситуативной отсылке понимание анекдота предполагает знакомство с одержанием претекста, а при цитатной отсылке – способность опознать цитату.*

* Мы благодарны О. В. Фокиной, с которой мы обсуждали ряд понятий общей теории интертекстуальности. Эти обсуждения способствовали уточнению нашего подхода.

Список литературы:

1. *Архипова А.С.* Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра. Диссертация ... канд. филологических наук. М., 2003.
2. *Курганов Е.* Похвальное слово анекдоту. // С.-Пб.: Звезда, 1999.
3. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот. Текст и речевой жанр. // М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Фоновые знания в русском анекдоте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международного семинара Диалог'2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2003. С. 629-634.
5. *Draitser E.* Making War, Not Love: Gender and Sexuality in Russian Humor. // Gordonsville (VA): Palgrave Macmillan, 1999.